

*Юлия Алиева*¹

ИСТОРИЯ ФЕНОМЕНАЛЬНОГО УСПЕХА

Российская государственная библиотека (РГБ) — культурная сокровищница страны, отражение её научного потенциала, демократичная площадка для пользователей всего мирового пространства. Эссе освещает историю появления архитектурных шедевров в центре города и благородную инициативу московских властей, попечителей, меценатов, филантропов и неравнодушных граждан. Благодаря их участию, небольшая библиотека с единственным читальным залом трансформировалась в современное авторитетное учреждение культуры и ведущий научно-методический центр библиотечной отрасли.

С чего всё начиналось ...

1 июля 1862 г. Император Всероссийский Александр II утвердил «Положение о Московском Публичном музее и Румянцевском музее» (МПРМ). Юридический документ определял структуру, направление деятельности, штатное расписание культурного учреждения. Под нужды МПРМ отводился один из красивейших особняков центра Москвы — бывший частный дом откупщика Петра Егоровича Пашкова (1721–1790). В 1839 г. некогда блистательный династический дом, переживший продолжительный

¹ **Алиева Юлия Борисовна** родилась в Москве. Работает в Российской государственной библиотеке в должности Главный библиотекарь отдела Центр по исследованию проблем развития библиотек в информационном обществе (ЦИПР РГБ). Проводит экскурсии по дому Пашкова (историческое здание РГБ) и по главному комплексу. Пишет статьи для рубрики «Экскурсоводы Ленинки рассказывают...». Живёт в Москве

пожар во время наполеоновского нашествия 1812 г., находился в весьма плачевном состоянии: стоял поросший мхом, без окон, птицы вили в нём свои гнёзда. Государство выкупило особняк у наследников и за счёт средств городской Казны был произведён капитальный ремонт экстерьера и интерьеров здания. Помещения после ремонта предназначались под нужды ведомственных учреждений. Особняк получил статус дома общественного назначения. Под его гостеприимной крышей около двух десятилетий размещались Дворянский институт, позже четвёртая Мужская гимназия. Между тем, в умах аристократических кругов Москвы всё отчётливее витала идея о создании музея великодержавного русского типа, где будут собираться самые великолепные образцы из собраний общественного достояния: живописи, скульптуры, гравюры, рукописей, прочие раритетные экспонаты. Создание МПРМ в стенах красивейшего дома партикулярного городского строительства конца XVIII в. стало событием, прочно связавшим духовную историю Петербурга и Москвы в единый общественно-значимый проект. Долгое время МПРМ был единственным в Москве общедоступным музеем, в котором студентам разрешалось копировать произведения великих мастеров живописи и скульптуры, например, культовое полотно Александра Иванова «Явление Христа народу».

В структуру музея входило библиотечное отделение с читальным залом на двадцать мест. Вход в библиотеку был обособлен, размещался со стороны улицы Знаменка. В музеях была предусмотрена оплата посещения (за исключением воскресных и особых дней), пользование библиотекой не предполагало платных услуг, даже экскурсии в ней проводились бесплатно всем желающим в порядке живой очереди. Для Москвы создание Первой московской публичной библиотеки было делом чести её горожан. В основе формирования библиотечных фондов лежали частные собрания, положение о комплектовании обязательным экземпляром, дарения и пожертвования. В дальнейшем, описывая создание московской публичной библиотеки, исследователи будут называть дарителей и жертвователей «милостивцами божьими», чьими силами на момент открытия будет собрано около ста тысяч единиц библиотечного фонда. 14 января 1863 г. библиотека примет в свои стены первых посетителей.

Сегодня фонд главной книжной сокровищницы страны исчисляется более 48,1 млн единиц хранения, представлен на 367 языках мира, измеряется сотнями километров книжных полок;

совокупная территория 24 зданий, разбросанных по Москве и за её пределами, определяется как площадь, равная девяти футбольным полям. Выйдя за рамки учреждения с типовым набором предложений, библиотека стала компетентным центром легитимного контента, предоставляющего пользователям разнообразный перечень услуг, способных конкурировать с коммерческими досуговыми структурами и максимально удовлетворять запросы удалённой пользовательской аудитории всех возрастных групп, в том числе, цифровым контентом.

Сейчас уже трудно представить, что библиотеки такого уровня могло и не быть в Москве. Первая общедоступная библиотека существовала в Петербурге с 1814 г. в статусе национального книгохранилища, поэтому средства на комплектование библиотеки в Москве до 1913 г. государством не отпускались. Благодаря рдению властей города, меценатов, жертвователей, инициативных граждан, для которых были дороги идеи всеобщего доступного Просвещения, в красивейшем особняке Москвы начнёт свой долгий и благородный путь бесплатная публичная библиотека.

О домах и династии Пашковых, Минерве, балконе трёх императоров, чугунном кружеве дома Пашкова, Гоголе, Булгакове и паникадилах

«Дом высоких идеалов гражданственности», «образец симметрической гармонии», признанный шедевр архитектурного наследия столицы, бывший частный дом откупщика Петра Егоровича Пашкова возник подобно «зефирному замку» в конце XVIII в. на участке крайне неудобной формы почти на самой бровке Ваганьковского холма. Мощная композиционная вертикаль дома Пашкова, подчинила себе прилегающие городские кварталы с малоэтажной застройкой, став памятником архитектуры русского зодчества и преуспевающего русского дворянства одноимённого периода «третьего цветущего Рима», совмещавший в себе множественное великолепие:

- стройный белоснежный фасад дворцового типа в архитектурном стиле Луи Зеи, придававший волшебному замку на Ваганьковском холме кудрявый барочный флёр; величественные скульптурные фигуры античных богов на фоне шелковистого зелёного газона, стриженного по последней моде на английский манер;
- строгой правильной формы боскеты с чередой архитектурных капризов (фолли) в виде затейливых гротов;

- струи хрустальных фонтанов, бьющие серебряными брызгами;
- пары горделиво-крикливых чёрных австралийских лебедей, доставленных особой оказией из Европы и плавающих с королевским достоинством в небольших бассейнах парка;
- грозно гогочущих ухоженных китайских гусей, неспешно прогуливающих по дорожкам, пёстрых раскормленных павлинов, шустрх длинношерстных (песцовых) кроликов и длинноногих беспокойных журавлей;
- ветки парковых деревьев, украшенных золочёными клетками, в которых блаженствовали в своей праздной безнаказанности вечно болтающие попугаи, дерзко передразнивающие многочисленных посетителей;
- открытые летние террасы переходов между портиками с кадками диковинных померанцев, некогда вывезенных победоносным Александром Македонским из Индии и в начале XVIII века начавших триумфальное шествие по европейскому континенту, равно поражавших воображение выдавших виды отпрысков знатных семей и простых горожан;
- вышколенные лакеи в парадных ливреях, стоявшие по всей территории парка, изъяснявшиеся свободно на иноземных языках и любезно рассказывающие всем интересующимся об особенностях содержания живых и ландшафтных экспонатов.

Дом Пашкова пережил

множество исторических вех, сменил статус частного жилого дома на ведомственный, сохранил своё династическое звучание, остался живым свидетельством многовековой истории Москвы и одновременно, памятником одного из многочисленных дворянских родов, некогда населявших Первопрестольную.

Начало дворянского рода Пашковых было положено в середине XVI века периода правления Ивана IV (Грозного) и его Ливонской кампании, когда в Россию из Польши прибыл знатный

шляхтич (возможно, литовец), Григорий Пашкевич (Paszkievicz). Будущий родоначальник славной фамилии зарекомендовал себя талантливым организатором в сфере снабжения: обеспечил бесперебойную поставку продовольствия для нужд русской армии. Первый сын шляхтича Пашкевича — Иван Григорьевич упоминается в самом начале XVII века как «тульский боярин» Пашков. В «Русской родословной книге» том второй, составленной князем А.Б. Лобановым-Ростовским, описание двенадцати колен рода Пашковых занимают несколько страниц. Здесь же упоминается другой род Пашковых, «предок которого Иван Терентьевич за московское осадное сиденье при царе Василии Шуйском, был пожалован вотчиною в 1613 г.» и ставший родоначальником дворянского рода Пашковых-курских.

Сын «тульского боярина» Ивана Пашкова, венецкий сотник по прозвищу «Истома» — Филипп Иванович, вошёл в российскую историю сторонником «Тушинского вора» (Лжедмитрия Второго), был пленён, после помилования служил царю Василию Шуйскому верой и правдой. Сын «Истомы» Афанасий Филиппович Пашков известен как первый Даурский воевода. Предприимчивый вояка отличался умением находить выход из щекотливых ситуаций. Например, чтобы добыть необходимые деньги для жалования служивым людям, повелел продать присланные из Тобольска четыреста вёдер «горячего вина» выше положенной отпускной цены Сибирского приказа в два раза, превратив три рубля за ведро крепкого напитка в шесть. Смекалистость и оборотистость прадеда наглядно проявились в генах правнука: записанный как бывший лейб-гвардии Семёновского полка Петр Егорович Пашков, многократно приумножил отцовский капитал, действуя по знакомой и проверенной схеме родственника в сфере винного откупа. Именно откупщику Петру Пашкову центр столицы обязан появлению на Ваганьковском холме «дома высоких идеалов гражданственности».

Потомки Даурского воеводы успешно продолжили ратное служение при различных царских дворах в течение последующих веков. Пропуская несколько колен служивых Пашковых, обратимся к личности Егора Ивановича Пашкова, начавшего карьеру в качестве денщика императора Петра I. Денщиков Петра в народе называли не иначе как «жандармами Петра I». Круг их полномочий и компетенций был чрезвычайно широк. Получить столь престижную должность Егору Ивановичу помогло наделавшее изрядно шуму и ставшее предметом всеобщего обсуждения

и осуждения, родство Пашковых с любимым учителем Петра I — Никитой Зотовым. Будучи в весьма почтенном возрасте, Зотов настоял на женитьбе с молодой вдовой Анной Еремеевной Пашковой. Счастье было скоротечным, через два года Анна Еремеевна овдовела. Волею Петра I дважды вдову опять выдадут замуж за сибирского губернатора Петра Ивановича Бутурлина. Своевременно воспользовавшись родственными связями, Егор Иванович успешно продолжил карьеру. При Петре I — от денщика до члена Высшего суда. При Петре II вошёл в состав Военной коллегии и был пожалован в бригадиры. Далее служил вице-губернатором в Воронеже, после был назначен губернатором Астрахани. Егор Иванович имел трёх детей. Его сын, Петр Егорович, винный откупщик, значительно приумножил состояние отца и вошёл в историю Москвы, благодаря «чуду архитектурного искусства», «царя домов» — дому Пашкова.

Богатый откупщик был бездетен. Насладится в полной мере роскошью, комфортом и красотой архитектурного шедевра ему не удалось. По одной из множества версий, откупщика подвело здоровье, — его парализовало. Возможно, на самочувствии и подорванном душевном равновесии отразились финансовые проблемы, в которых он очутился волею судеб, злого рока и неправильной оценки собственного ресурсного потенциала — строительство «дома высоких идеалов гражданственности» требовало внушительных финансовых вложений. Поговаривают, увидев предварительную смету проекта дома, Пётр Егорович готов был отказаться от дорогостоящего строительства «скромного дома для двоих» и выбрать более приемлемое, с точки зрения финансирования, архитектурное решение будущей усадьбы. Однако тщеславие взяло верх: «нерукопожатный дворянин», скрипя зубами, взялся за непосильный гуж, изрядно поиздержался и попал в чудовищные долги. Беда не приходит одна, одновременно к крупным строительным тратам присовокупились проблемы в профессиональной сфере. Точную причину, приведшую к трагическим последствиям для здоровья, сегодня назвать затруднительно.

У Егора Ивановича Пашкова был брат — полковник Стародубского полка на Брянщине Илья Иванович Пашков. Полковник передал своему сыну Александру Ильичу, скромному коллежскому асессору, относительно небольшое по меркам XVIII в. наследство — поместье в селе Верхнее Талызино Курмышской округи с прилегающими окрестными деревнями по реке Алатырь Ардатовской округи (Нижегородская область). Александр Ильич

счастливого женился на богатой наследнице Дарье Ивановне Мясниковой, получив солидное приданое и обширные земли в Нижегородской губернии и Зауралье. Неравный брак поначалу не вызвал одобрения в обществе. Однако стоил свеч. Дарья Ивановна Мясникова-Пашкова уверенно вошла в аристократическую среду дворянского круга и значительно увеличила финансовый капитал супруга. Громадное состояние уральских заводчиков и купцов Мясников-Твердышевых сделало ещё трёх сестёр Дарьи завидными невестами, несмотря на незнатное купеческое происхождение.

Дворянин среднего достатка Пашков взял за женой весьма значительное приданое: 20 000 душ крестьян; плодородные земли Ветошкинской волости по реке Пьяне, её притокам, с прилегающими сёлами Архангельское (или Ветошкино) и Барская поляна, деревни Васильевка; Сурки; Тяпино; обширные земли в Башкирии, Оренбуржье, на Южном Урале по рекам Урал, Инзерь, Укшук, Тирмьянь; земли на озере Узункуль с железными и медными рудниками, с железоделательными и медеплавильными заводами в Верхотурске, Воскресенске, Белорецке и др.

В качестве наследника и опекуна немощного брата, сражённого непосильным недугом, Александр Ильич с супругой переезжают в Москву. Город обязан чете Пашковых-Мясниковых появлением светского дома «для балов и театральных представлений», расположившегося на стыке Моховой и Никитской улиц, согласно конфирмованному плану застройки Москвы в одну линию и снискавший славу роскошнейшего московского «палаццо» конца XVIII в. За историю своего театрального бытия светский дом служил временным пристанищем частной театральной труппы Петровского театра, которая лишилась собственного здания в результате октябрьского пожара 1805 г. На сцене дома 11 апреля 1806 г. состоялось первое представление русской труппы Императорского Московского театра (в дальнейшем Малый театр): комедийные постановки «Бедность и благородство» Августа фон Коцебу и «Слуга двух господ» Карло Гольдони. Ещё одним из значимых событий в жизни светского дома Пашковых можно считать дебют основателя русской актёрской школы Михаила Щепкина в сентябре 1822 г. Актёр исполнил роль помещика Богатонова в комедии драматурга Михаила Загоскина «Богатонов, или Провинциал в столице» и роль Угара в пьесе французского писателя Ж.-Б. Дюбуа «Марфа и Угар, или Лакейская война». Правнучка основоположника русской актёрской школы — талантливейший литератор, драматург, поэтесса, прозаик, переводчик, актриса,

мемуарист, по совместительству героиня богемных скандалов и на шумевших любовных приключениях со знаменитыми современниками, в совершенстве владела шестью иностранными языками: французским, испанским, итальянским, английским, польским, шведским. Благодаря её переводам, русская литература пополнилась нетленными творениями Шекспира, Лопе де Веги, Шиллера, прочих европейских авторов. Стихотворение «Джабберворки» в её переводе получило название «Верлиока» и стало шедевром поэтического нонсенса.

Сегодня светский дом Александра Ильича Пашкова утратил первоначальное назначение и династическое звучание, ныне известен любителям архитектуры и горожанам как старое здание Московского университета (другое название «Аудиторный корпус»), выходящее на Моховую каменным жёлтым полукружием с шестью колоннами. Ещё одно знаменитое ранее имение Александра Ильича располагалось в селе Ветошкино, было унаследовано сыном Василием Александровичем, сделавшего блестящую военную карьеру благодаря прочным родовым связям во влиятельных придворных кругах его супруги — графини Екатерины Александровны Толстой. С четой Пашковых-Толстых — солнце русской поэзии — Александр Сергеевич Пушкин был знаком по Петербургу, навещал их дом в Ветошкино. Расцвет усадьбы в Ветошкино придёт на послепушкинское время. Её особой гордостью станет дом-замок, возведённый в 1868 г., одним из наследников Александра Ильича. Особняк, облицованный белым камнем, с закруглёнными фронтонами, башенками, зубчиками, балконами, походил на русские дворцы Баженовского образца. Связь Пашковых-Пушкиных по-своему продолжается. В историческом здании библиотеки, в каталожной комнате отдела рукописей, на всеобщее обозрение представлен шкафчик, переданный в 1880 г. сыном поэта Александром Александровичем, вместе с оставшимся в семье рукописями, библиотекой и личными вещами поэта. В 1937 г. решением Советского правительства всё наследие будет передано в Пушкинский дом (Санкт-Петербург). И только шкафчик случайным образом задержится в библиотеке, напоминая о былом поступлении. Творческие люди не упускают возможности прикоснуться к шкафчику. По их свидетельству, после общения с ним, они испытывают небывалый душевный подъём, их посещает вдохновение и открываются скрытые способности.

После московского пожара 1812 г. о состоянии домов Пашковых нет достоверных данных. В 1818 г. внешний облик дворца-усадьбы

Петра Пашкова возродился с некоторыми изменениями. Самые значительные из них претерпел воссозданный на пепелище бельведер. Первоначальный вид воздушной беседки располагал окружением свободно стоящих парных колонн. Между колоннами и стеной бельведера раскручивалась узкая круговая галерея, плавно переходящая в широкую круговую площадку, ограждённую решёткой, парапетом террасы и вазами. Восстановленный государством после пожара бельведер и ныне логично завершает совершенные фасады белокаменной усадьбы, однако теперь парные полуколонны примыкают к стене. Нет ясного понимания о первоначальном ордере колоннады бельведера: был ли он трактован зодчим как коринфский, в процессе реставрации заменённый на ионический? Ионический ордер боковых флигелей логично сочетается с общим характером композиции, поэтому мог быть ранее органично применен в оформлении бельведера. Декоративное убранство бельведера тоже подверглось изменениям: утрачены венчающая ранее шпиль беседки скульптура, герб Пашкова на центральном портике в обрамлении скульптурной группы, завершающий центральный портик со стороны Моховой улицы.

Проследить изменения, которым подвергался волшебный замок, можно обратившись к рисункам и гравюрам, дошедших до нас с момента его появления.

Первый сохранившийся рисунок принадлежит немецкому художнику Иоганну Фридриху Антингу (1753, Гота, Германия — 1805, Санкт-Петербург), посетившему Москву вскоре после окончания постройки усадьбы. Его рисунок выступает точной иллюстрацией подробному описанию дома соотечественником — немецким путешественником Иоганном Густавом Рихтером, который упоминает в своих заметках выступ первого этажа в центре здания с колоннадой; бельведер в окружении свободно стоящих парных колонн со статуей на вершине купола; мраморных дев по бокам колоннады со стороны дворцового фасада: Флору и Цереру; а также описывает детали, исчезнувшие в последующих изображениях (1795) французского художника Жерара Делабарта (1730?–1810): герба Пашкова; статуй Марса и Минервы, стоящих перед домом на верхней террасе сада (1795). Ещё одна утраченная деталь, которая присутствует на рисунках обоих художников — мезонинный этаж с продолговатыми окошечками, заложенными в процессе ремонта здания в 1839 г., проходившего в его стенах после приобретения здания государством под нужды Дворянского института.

Рассматривая рисунки и гравюры, исследователи задаются вопросом: «Чья статуя венчала шпиль волшебного замка? Бога войны Марса или покровительницы искусств богини Минервы?». Все версии имеют право на существование, однако отметим, что исторический период появления жилого дома с дворцовым фасадом совпадает с эпохой правления Императрицы Екатерины II или Русской Минервы (любимом образе императрицы)! Бог Марс выступает её антиподом. Эта трактовка более близка сторонникам версии, что архитектор (предположительно русский зодчий Василий Баженов) был ущемлён императрицей и так архитектурно изысканно ей отомстил. Споры продолжаются и по сей день.

Ещё одна невымышленная история с книжным подтекстом связана с воздушным бельведером волшебного замка.

Одна из уникальных книг библиотеки — последнее оригинальное прижизненное издание швейцарского гравёра и каталогизатора собраний монаршей династии Габсбургов, по совместительству издателя и торговца произведениями искусств, Кристиана фон Мехеля — «Götz von Berlichingen», изданная в Берлине в 1815 г. В книге приводится краткое жизнеописание реально существовавшего швабского рыцаря Гёца фон Берлихингена, который в двадцать четыре года потерял в бою правую руку, однако не перестал быть менее воинственными из-за столь прискорбного события. В уникальном издании даётся подробное описание протеза, изготовленного по передовым технологиям XVI в. немецкими оружейными мастерами, позволившему отчаянному воюке продолжить свою блистательную рыцарскую карьеру. О качестве протеза можно судить по возможности удерживать перо — рыцарь смог без посторонней помощи написать мемуары. Старинный протез хранится в замке Ягстхаузене федеральной земли Баден-Вюртемберга. Будучи талантливым пиарщиком, а возможно патриотом и гражданином с большой буквы, Мехель посвящает и преподносит книгу венценосным особам держав-победительниц, участникам Венского конгресса 1815 г.: императору Франсу Иосифу I Австрийскому, Российскому императору Александру I, королю Пруссии Фридриху Вильгельму III. По замыслу автора «иллюстрация Железных Рук храброго немецкого рыцаря» и его героического жизнеописания должны были поднять боевой дух и веру в собственные силы израненных солдат державных армий, наглядно помочь государствам-победителям в реабилитации инвалидов, массово нуждавшихся в протезировании конечностей.

История бесстрашного рыцаря по прозвищу «Гёц Железная Рука» будет будоражить просвещённые умы не одно прошедшее тысячелетие. Образ героя будет романтически воспет Иоганном Вольфгангом фон Гёте, при этом шутовская фраза из его творения «Leck mich im Arsch» (из этических соображений не переводимая на русский язык), станет одним из известнейших вульгаризмов Германии и первой строкой канона № 231 Вольфганга Моцарта, в дальнейшем опубликованным издателями под благочестивым названием «Возрадуемся». Рыцарь будет упомянут Карлом Марксом, Павлом Васильевичем Анненковым в литературных воспоминаниях о Гоголе, в истории Любанской операции 1942 г. Его героический образ послужит для создания трейлеров и сериалов мировой киноиндустрии; список можно продолжать. Легенды приписывают Железной Руке Гёца немало кровавых преступлений. Коварная Рука не пощадит и расправится с собственным хозяином, которому на тот момент было восемьдесят два года.

Одной из коронованных особ, которой был преподнесён экземпляр уникальной книги, был упомянутый выше король Прусский Фридрих Вильгельм III, посетивший вместе с сыновьями Москву в 1818 г. Во время визита царствующая особа пожелала осмотреть панораму пострадавшего города. Король был приглашён на бельведер дома Пашкова. По воспоминаниям генерала Павла Дмитриевича Киселёва, Король и его сыновья встали на колени, отдали по три земных поклона, выразив городу со слезами на глазах благодарность за спасение от нашествия наполеоновских войск. В запасниках Государственной Третьяковской галереи есть полотно художника Николая Сергеевича Матвеева «Король Прусский Фридрих Вильгельм III с сыновьями благодарит Москву за спасение его государства» (1896). Событие происходило на бельведере легендарного дома. Чтобы сохранить память об историческом моменте в истории России, в решётку балкона двухцветного бального зала впаляли корону и балкон дома получил условное название «Балкон трёх императоров». Сегодня бельведер особняка утратил своё прямое предназначение смотровой площадки и больше не балует посетителей роскошными видами города. В небеса устремлён оголённый шпиль воздушной беседки, на которую изредка присаживается отдохнуть пролетающая мимо птица и тогда, на непродолжительное время, облик дома получает своё логическое завершение.

Экстерьер дома Пашкова безупречен: возвышенная симметрия и изысканный декор белокаменных фасадов, ажурные

чугунные ворота и тонкое кружево ограждений балконов, практично обустроенный уютный курдонёр², монументальная римская триумфальная арка и логично венчающий композицию бельведер, совокупно сочетают классическую ясность и гармонию объёмов дома, где оба фасада солируют. За исключением отдельных архитектурных деталей экстерьер дома сохранил свои первоначальные формы. Интерьеры здания многократно перестраивались и совершенно утратили свой первоначальный вид. Современный вид интерьеров относится к перестройке здания 1913–1915 гг., когда два этажа дома объединили в единый двусветный зал.

XVIII в. — эпоха расцвета классического стиля в архитектуре — классицизма. В роскошных особняках аристократов для украшения экстерьеров создаются объёмные чугунные композиции. Главным принципом в использовании подобных деталей декора особое внимание уделялось общей гармонии облика здания и окружающего его ансамблю, архитектурной иерархичности, соблюдению принципов: соподчинённости второстепенных построек ведущим, симметрии и гармонии, следованию строгой ритмике протяжённости фасадов.

Первоначально вся площадь участка со стороны дворцового фасада по Моховой улице имела ограждение из кованых решёток, вертикальные прутья которых были украшены гирляндами. Массивная ограда поддерживалась приземистыми круглыми столбами, с установленными на их плоских макушках масляными фонарями. В период размещения в доме Румянцевского музея на углу ограждения появился водозаборный фонтан. После Наполеоновского пожара ограда была восстановлена в 1831 г., впоследствии разобрана (1930). Небольшой участок ограждения сохранился на подпорной стенке со стороны улицы Знаменка. Ограда удивительно слитна с архитектурой изящного дома, в ней соблюдены основополагающие принципы классицизма, логично выражены ритмичность, иерархичность построения, пропорциональность взаимосвязи метрических рядов всей композиции.

Декор ажурных ворот, ограждений балконов, роскошных интерьерных лестниц дома Пашкова — искусство уральского художественного литья, корни которого уходят в глубину веков

² Курдонёр — парадный двор перед зданием дворца, особняка, усадебного дома, ограниченный главным корпусом и симметричными боковыми флигелями. — *Прим. ред.*

реформаторской деятельности Петра I. Высокие ажурные ворота, окрашенные в глубоко чёрный цвет, отделяли резиденции вельможных особ от городской суеты, обеспечивали охрану дворцов и прилегающих территорий. Ограда подготавливала пришедших к восприятию всей архитектурной композиции. Чугунные ограды и решётки создавались в период невиданного прежде размаха строительства городских и загородных дворцово-парковых ансамблей. В 1934 г. при расширении Моховой улицы по проекту архитектора Виталия Ивановича Долганова (1901–1969) был сооружён откос, и перед домом Пашкова появилась монументальная лестница, артистично связавшая изящное сооружение и Ваганьковский холм.

Балконные ограждения придают особую выразительность сооружению. Традиционно террасы и балконы XVIII в. строились по первому и второму этажам роскошных особняков большой протяженности. Решётки чаще изготавливали из кованого железа, декорировались ажурными и лёгкими рисунками. Подобное украшение служило оправой фасада здания, изящно подчёркивая мощь и статичность колонн. С середины XVIII в. на балконах появляются решётки из чугуна, которые создавали эффект тяжеловесного узорчатого основания всего здания. Подобные чугунные ограждения украшают фасады дома Пашкова, их можно увидеть на историческом «балконе трёх императоров» и балконе со стороны курдонёра.

Металлические чугунные лестничные ограждения также играли немаловажную роль в оформлении интерьеров зданий, поражали нарядностью ажурных конструкций. Подобное литьё в конце XVIII — начале XIX вв. производили только в России. Роскошные ажурные лестницы дома Пашкова олицетворяют собой один из лучших образчиков каслинского чугунного литья. Гости подолгу замирают, любясь чугунным кружевом летящих лестничных проёмов.

В настоящее время в изысканном особняке разместились три действующих отдела Российской государственной библиотеки, которые гостеприимно принимают читателей, исследователей, многочисленных экскурсантов различного возрастного ценза.

В отделе рукописей, уютно расположившемся в правом флигеле дома Пашкова со стороны почётного двора, размещается рукописное наследие библиотеки и архивы известных граждан страны. Личный архив писателя Михаила Афанасьевича Булгакова, переданный его вдовой Еленой Сергеевной Булгаковой

изначально на временное хранение, задержался в отделе навечно и содержит: письма, черновики произведений, фотографии, рисунки к романам и личные зарисовки писателя. Увидеть избранные материалы из архива отдела можно на выставках, проводимых отделом к юбилейным датам жизненного и творческого пути писателя. В произведениях Булгакова, в его манере и подаче сюжетных линий ощущается неразрывная связь с великим русским писателем Н.В. Гоголем, к творчеству которого Булгаков тяготел и испытывал восхищение ещё со времён юности. Из воспоминаний литературоведа П.С. Попова: «Девяти лет Булгаков зачитывался Гоголем — писателем, которого он неизменно ставил себе за образец...». Примером могут служить мечты о поездке в Рим, город совершенной архитектуры, воспетый Гоголем и воспринимаемый Булгаковым неизменно рядом с именем любимого классика русской литературы. История с «голгофой» — надгробием на могиле Михаила Афанасьевича — поставит последнюю мистическую точку во взаимоотношениях ученика и учителя.

Гоголь был страстным поклонником архитектуры, что проявлялось в его зарисовках и рисунках в записных книжках, письмах, черновиках: «...готические соборы и итальянские дворцы, русские церкви и античные руины; целые здания — и архитектурные детали: арки, купола, башенки и балконы, иногда едва очерченные, иногда исполненные тщательно и со знанием дела...». Гимном архитектуре можно назвать статью Гоголя «Об архитектуре нынешнего времени», где «застывшей музыке в пространстве» отводилась роль «летописи мира», передающей характер определённой эпохи и творца, сотворившего сие чудо. Н.В. Гоголь посещал дом Пашкова. Осенью 1851 г. незадолго до смерти он по обыкновению пришёл помолиться в церковь Николая Чудотворца в Старых Ваганьках. Моховая улица утопала в пышном празднестве — 25 лет юбилейной коронации Николая I. Торжества на улицах города сопровождались гуляниями и потехами. Признав в неприметном прихожанине маленького росточка, с мужицкой причёской великого русского писателя Гоголя, его пригласили подняться на бельведер красивейшего дома и оттуда полюбоваться городским празднеством. Поднявшись на чудесную высоту, он в изумлении взирал на совершеннейшую архитектуру двора дома Пашкова и после продолжительного молчания задумчиво произнёс: «Как всё это напоминает мне вечный город».

Роман «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова является одним из наиболее популярных произведений русской литературы

в мировом рейтинге художественных шедевров. Это произведение связано сюжетной линией с домом Пашкова, упоминается писателем на языке, понятном ценителям и знатокам архитектурных изысков: *«На закате солнца высоко над городом на каменной террасе одного из самых красивых зданий в Москве, здания, построенного около полутора лет назад, находились двое: Воланд и Азazelло. Они не были видны снизу, с улицы, так как их закрывала от ненужных взоров балюстрада с гипсовыми вазами и гипсовыми цветами. Но им город был виден почти до самых краёв»*. Бельведер дома Пашкова — одна из лучших смотровых площадок столицы ушедших веков. Простим Михаилу Афанасьевичу гипсовые цветы — их не было на доме никогда, — но по некоторым версиям, колпачки у вазонов снимались, высаживались то ли ампельные, то ли вьющиеся растения и, возможно, «зефирный замок» утопал в зелёных сплетениях кудрявых вьюнов, причудливо струящихся по его роскошным фасадам. Диалог героев романа «Мастер и Маргарита», описанный в 29 главе великого произведения, происходит на бельведере дома Пашкова и созвучен словам Гоголя: *«Какой интересный город, не правда ли?.. / Мессир, мне больше нравится Рим! / Да, это дело вкуса...»*.

Официальная история знакомства публики с романом «Мастер и Маргарита» началась с его публикации в журнале «Москва» и сопровождалась двумя предисловиями Константина Симонова и Абрама Вулиса. Роман был издан в период «оттепели» ограниченным тиражом и пользовался в библиотеках повышенным спросом. Посетители переписывали в читальных залах роман от руки. Это одна из самых известных книг писателя: таинственная, мистическая, загадочная. Роман затягивает читателя с первых страниц и состоит из нескольких сюжетных линий. Единство трёх миров — ведущий стержень романа. Бессмертное произведение продолжает вызывать интерес у читающей публики и поныне. Один из интересных фактов. Весной 1935 г. в качестве корреспондента французской газеты «Пари-суар» Москву посетил «золотой галл» мировой литературы Антуан Жан-Батист Мари Роже де Сент-Экзюпери (1900–1944). На одной из представительских встреч, организованной американским посольством, состоялось знакомство Антуана де Сент-Экзюпери с М.А. Булгаковым и его супругой Еленой — Сергеевной. Содержание беседы двух неординарных литераторов современности осталось одной из нераскрытых тайн минувшего века, но будоражащие воображение слухи о внешнем сходстве главного героя романа Воланда с родовитым

французским пилотом, изобретателем и одновременно писателем де Сент-Экзюпери в некоторой степени не лишены оснований. Первые иллюстрации к роману «Мастер и Маргарита» успела увидеть и одобрить вдова писателя. Художник Александр Александрович Мелик-Пашаев (1941 г.р.) — сын великого дирижёра и друга писателя, выполнил серию рисунков, когда ему было семнадцать лет. Он прочитал роман до его публикации, Елена Сергеевна неоднократно приносила рукопись в их семью. Александр знал его почти наизусть. Несколько позже иллюстрации к роману нарисовала юная Надежда Рушева (1952–1969).

Появление роскошного особняка откупщика Пашкова на Ваганьковском холме вызывало равное восхищение иноземных гостей и соотечественников. Одним из изысков архитектурного чуда столицы были открытые террасы, на которых красовались благородные померанцевые деревья в кадках. Сейчас гости столицы могут увидеть изящные перила бывших террас, однако теперь за ними скрывается двускатная кровля. В фондах библиотеки находится редкое двухтомное издание купца и натуралиста, по совместительству автора и редактора — Иоганна Кристофа Волкамера (1644–1720) «Нюрнбергские геспериды, или подробное описание благородных померанцевых плодов: цитрона, лимона и горького апельсина, как правильно их сажать, ухаживать за ними, поддерживать и взращивать в этой и соседних областях» (Нюрнберг, 1708–1714). Иллюстрированное роскошными гравюрами справочное пособие детально раскрывает нюансы видового разнообразия благородных померанцев. Описания экзотических плодов сопровождаются подробными инструкциями и рекомендациями по их посадке, содержанию, разведению, защите от вредителей. Удивительные фрукты представлены на иллюстрациях целиком и в разрезе, поражают воображение эстетов, будоражат вкусовые рецепторы современных знатоков и ценителей сочной мякоти великолепных померанцев. Издание можно назвать мультимедийным: иллюстрации попутно передают богатство каменных шедевров архитектурного городского ансамбля Нюрнберга, красоту его цветущих садов и очарование городских пейзажей. Фолиант выступал наглядным пособием для ботаников и ландшафтных дизайнеров; служил рекламным проспектом по организации померанцевых садов для обеспеченных граждан; сохранял в памяти немецкого общества самобытную архитектуру города Нюрнберга начала XVIII в. Благородный померанец воспет в стихах, романсах в зарубежной и отечественной литературе.

Всеволод Мейерхольд издавал журнал «Любовь к трём апельсинам», посвящённый театру, искусству, поэзии и литературе. Премьера комической оперы композитора Сергея Прокофьева «Любовь к трём апельсинам» (по одноименной драматической сказке Карло Гоцци) состоялась в Мариинском театре (Ленинград, 1926). Среди множества постановок наибольшую известность получил спектакль на сцене Большого театра (Москва, 1997). «Марш» и «Скерццо» из оперы вошли в анналы музыкальной мировой культуры.

История главной библиотеки страны восходит своими корнями к истории создания и открытия «Музея наук и искусств» или «Московского публичного и Румянцевского музеев». Основой наполнения фонда культурной сокровищницы национального значения стали частные коллекции и бесценные дары, среди которых особым пиететом выступают роскошные камнерезные чаши из разноцветных яшм, поступившие в музей от императора Александра II. Роскошная чаша тёмных оттенков серо-фиолетового коргонского порфира украшает лестничный пролёт парадной лестницы дома Пашкова. Удивительный красоты благородный камень добывался в недрах Колыванской каменоломни, расположившейся вдоль течения хрустально-бирюзовых вод реки Коргон. Каменоломня снискала заслуженную славу, благодаря богатейшим месторождениям тёмных и светлых оттенков серо-фиолетовой яшмы (собственно порфира), а также красного и кофейного порфиров. Чаша состоит из нескольких отдельных элементов: плинта, ножки и тела. В основании чаши читается гравировка: «Колыванской шлифовальной фабрики. Начата обработкою 9 февраля 1855 г., окончена 28 февраля 1857 г. Управляющий: Титулярный Советник Злобин». Чаша строга по убранству, полированный камень чист и не нуждается в огранке бронзовым декором.

Второй камнерезный дар императора Александра II в рамках масштабной реставрации 2001-2007 гг. был перенесён из Дома Пашкова и ныне служит украшением самого большого читального зала библиотеки. Чаша являет собой монолит из тёмной зелёно-волнистой яшмы из каменоломни массива Колыванского хребта близ горы Ревнюхи, открытой в 1789 г. и прославившей камнерезное искусство России монументальным изделием Колыванской шлифовальной фабрики — царицей ваз (Эрмитаж, СПб., 1849). Чаша из ревнёвской яшмы органично вписалась в интерьер величественного зала, напоминая об инициативе московских аристократических кругов, нашедших поддержку на высочайшем уровне.

Камнерезное искусство России отражает историю становления богатейших Сибирского и Уральского регионов, получивших расцвет благодаря энергичному юноше с предпринимательской жилкой — Акинфию Никитичу Демидову (1678–1745). Изучив под руководством родителя горнозаводское дело на родине и за границей, блестяще образованный молодой человек со знанием дела взялся за разработку медных и свинцовых руд и впоследствии значительно приумножил отцовское состояние, понастроив по бескрайним просторам живописных, но климатически суровых регионов семнадцать железных и медеплавильных заводов. Попутно он расширил добычу и обработку малахита и магнита, поспособствовал развитию горнозаводского дела в целом и, как бы между прочим, развёл крупную породу рогатого скота молочного направления — тагильскую. В дальнейшем Демидовские заводы были отчуждены государству, но потомки долгое время пожинали обильные плоды с родового богатства преуспевающего предка. Отец предпринимателя, ценитель и собиратель книжных сокровищ, Никита Акинфиевич Демидов (1724–1787) оставил более сотни записей о прочитанных книгах. Имея привычку фиксировать дату прочтения и свои впечатления от содержания, уральский заводчик не стеснялся в выражении негативных или положительных эмоций. Так, например, мы узнаём о его не симпатии к великому Вольтеру: «Сей род штиля между рихмотворством и прозою белой выbleдок, которой трудность наводит к ясному понятию...»

С приездом на Колывано-Воскресенский медеплавильный завод специалиста по горному делу Андреаса Бенедиктовича Безра (1696–1751) начинается история Колыванской шлифовальной фабрики, расположившейся у самого подножья живописных Алтайских гор. После представления им собранных материалов на Алтае усиливается розыскание руд и минералов, в том числе для научных целей, и прекращается действие медеплавильных заводов. В дальнейшем, для обработки и выделки найденных поисковыми партиями минералов и всякого рода пород камней (мрамора, малахита, змеевика, селенита), а также благодаря открытию мощных месторождений разнообразных яшмовидных пород, обустраивается шлифовальная мельница и начинается расцвет камнерезного искусства России. Роскошные камнерезные изделия алтайских мастеров с триумфом экспонировались на Всемирных выставках в Лондоне (1851, 1862), в Париже (1868), в Вене (1873), в Москве (Всероссийская промышленно-художественная выставка, 1882), в Чикаго (1893). Удивительные камнерезные шедевры

и ныне украшают роскошные интерьеры исторического и главного здания библиотеки. За годы своего служения они стали неотъемлемой частью и безмолвными свидетелями масштабных событий в жизни культурного учреждения.

Постановка здания вдоль Моховой улицы предопределила устройство парадного въезда со стороны Староваганьковского переулка. Монументальная триумфальная арка в римском стиле украшена новомодным для того времени скульптурным декором — маскароном, львиной головой с пышной гривой, предположительно авторства признанного скульптора Первопрестольной, Гавриила Тихоновича Замараева (1758–1823). Замараев прибыл в 1784 г. в Москву и декорировал множество частных и общественных зданий города. Лепные львиные головы, размещённые по фасадам особняка, подчёркивают статус бывшего хозяина — дворянина восьмого колена из двенадцати колен, расписанных князем Алексеем Борисовичем Лобановым-Ростовским (1824–1896) в «Русской родословной книге» по состоянию на 1895 г. Львиный декор присутствует и в интерьерах дома Пашкова. Посетители Румянцевского зала могут любоваться резными львиными мордами и лапами, служащими опорными элементами перемычек стеллажей. Звериный декор (сфинксы, грифоны, лебеди, прочие существа) считался обязательной компонентой мебелированного пространства рабочих кабинетов и жилых помещений в начале респектабельного XIX в. Согласно отчёту «Московского публично-го и Румянцевского музеев» (МПРМ) 1864 г. в составе библиотеки

числились 40 шкафов красного дерева, поступившие из Эрмитажных залов, для размещения в них библиотеки императрицы Александры Фёдоровны (1798–1860) и отделения рукописей; «дубовые, замечательной архитектуры шкафы», принадлежавшие ранее библиотеке гофмейстера двора — графу Дмитрию Александровичу Гурьеву (1758–1825); а также шкафы из Румянцевского музея, доставленные с экспонатами и фондами из Петербурга в Москву, но оказавшиеся неудобными для размещения в них книжных

собраний в помещениях библиотеки. Переделанные высокие ясеневые шкафы послужили декором двухэтажного зала и витриной для представления книжных собраний канцлера Николая Петровича Румянцева (1754–1826). Присматривать за сохранностью великого дара России, составившего базовую основу фондов первой московской публичной библиотеки, было доверено грозным львиным мордам, стоящим в невидимой стойке на задних лапах. Служение львов на почётном посту продолжится. Полюбоваться на оформления залов Музеев в конце XIX в. возможно обратившись к великолепным фотографиям Торвальда Андреевича Митрейтера, состоявшего в 1879–1897 гг. штатным фотографом при МПРМ.

Осветительные приборы дома Пашкова символизируют исторический рубеж XVII–XVIII вв., когда в домах аристократических кругов входит мода на светильники типа «паникадило» (много-свечник), богато украшенные шёлковыми кистями, жемчугом или драгоценными камнями. Крепились подобные приборы преимущественно на цепях или «вожжах», подвесы обтягивались алым бархатом. Несколько позже — в первой четверти XVIII в. — в России начнётся производство хрустальных люстр. Главное хрустальное убранство дома Пашкова — центральная и две малые люстры, настенные светильники, размещённые в перестроенном доме Пашкова (1915) двухуровневом балльном зале, составляют единый хрустальный комплект, изготовленный в 1910 г. в рамках финансирования государством двух проектов:

– реставрации и подготовки Румянцевской библиотеки к пятидесятилетнему юбилею со дня открытия и масштабному празднованию трёхсотлетия дома Романовых;

– завершению работ по строительству Музея изящных искусств (ныне ГМИИ им. Пушкина), инициированного Иваном Владимировичем Цветаевым, занимавшем в тот период пост директора Румянцевской библиотеки (1901–1910).

Хрустальные люстры, бра, настенные светильники русского барочного стиля, исполненные по типу хоросов и паникадил в соответствии с традициями обустройств аристократических домов середины XVIII в., великолепно сочетаются с современными интерьерами главной библиотеки страны, храня в своих хрустальных переливах таинство тишины читальных залов и историю нескольких тысячелетий, столь причудливо соединивших в стенах первого исторического здания библиотеки богатого откупщика Пашкова, инициативу московских властей и историю становления нового государства.

Вторая четверть XIX в., в том числе и в России, охарактеризовалась стремительным расцветом нового социально-классового типа — буржуазии. Показная респектабельность, нарочитая роскошь, ослепительный шик новоявленных господ непременно подчёркивались наличием изящных художественных безделушек в обстановках кабинетов и домов. Начинается взлёт интерьерной скульптуры из бронзы или мрамора на пьедесталах из бельгийского сланца или «мистического» многослойного оникса. «Законодателями интерьерной кабинетной моды» априори служили французские мастера, поэтому российские бронзолитейщики обучались и стажировались во Франции. После демонстраций работ на престижных международных выставках крупные производители интерьерных скульптур выкупали авторские модели или заключали контракты на тиражирование шедевра в течение определённого периода, предоставляя создателю шедевра в виде гонорара процент по договору от прибыли после продажи. Подобной практики пополнения ассортимента ряда придерживался крупнейший производитель кабинетной бронзы Фердинанд Барбедьенн, благодаря которому, около четырёхсот наименований скульптурных произведений, доступных ранее только ценителям изящных искусств, были растиражированы по всему миру. В 1890 г. российский скульптор-реалист Марк Матвеевич Антокольский писал: «Я издаю свои произведения в уменьшенном виде — 65 сант. выш. Они издаются у Барбедьенна. Пока издаются “Нестор”, “Мученица”, “Спиноза” и издаётся только известное число [50 экз.]...». Антокольский успешно выставлялся на Всемирной Парижской выставке (1878). Ему присудили высшую награду и наградили орденом Почётного легиона, избрали членом-корреспондентом ряда западных престижных академий. Однако в русской культуре одноимённого периода из-за господствующих русофобских настроений места ему не нашлось. После провала персональной выставки в Петербургской Академии художеств и в связи с прогрессирующим ухудшением здоровья скульптор принимает решение навсегда покинуть Россию.

Образ Спинозы возник у Антокольского в Италии в самом счастливом и плодотворном творческом периоде в жизни мастера. Работа над образом продолжалась долгие годы: в 1873 и 1880 гг. скульптор выполнил эскизы к статуе; в 1882 г. воплотил задуманное в гипсе; в 1887 г. исполнил в мраморе. Философ предстаёт сидящим в кресле, в костюме своей эпохи, его колени укутаны

одеялом. Он погружён в глубокие думы и забыл о лежащей на коленях книге. Скорбная покорность судьбе, предчувствие скорой кончины явственно ощущаются в выражении задумчивого лица, в лёгкой, чуть тронувшей губы, тонкой улыбке. Скульптором точно найдены поза и жест сложенных у груди рук. Одновременно, мастер подчёркивает спокойствие, силу, величие ума одной из самых неординарных личностей XVII в. Трагический образ философа получился созвучным кончине создателя шедевра. В Румянцевском зале Дома Пашкова каждый обладатель читательского билета может познакомиться с авторской моделью 1878–1882 гг.

Если Вам когда-нибудь захочется побывать в историческом здании библиотеки, то не забудьте поздороваться со скульптурой мраморной чтицы. Пленительная и утонченная мраморная дева, сверкающая белизной полуобнаженных плеч, фаворитка загадочного дома Пашкова — «Читающая девушка» миланского скульптора Пьетро Маньи (1817–1877) — образец гармонии, женского изящества и чистых линий.

Мраморной чтице нет никакого дела до сквозняков, гуляющих по лестничным пролётам легендарного дома, некогда давшего ей приют, но не сумевшего дать покоя и тишины, необходимых для вдумчивого чтения. Ей безразличны застывшие в немом восторге посетители всех степеней и рангов, назойливые вспышки фотокамер, бравурные речи и лестные эпитеты. Всё это слышала она не раз за прошедшие столетия. Сорочка стыдливо сползла с плеча молодой босоногой красавицы, струится мягкими мраморными

волнами по телу, открывая прекрасные линии скульптурного совершенства и тончайшую, кропотливую работу мастера, влюблённого в своё творение. Странички книги, нежно сомкнутые девичьи пальчики, выбившиеся из причёски прядки волос, чёткий ритм стежка машинной строчки на подоле тончайшей батистовой сорочки, лишённой кружевных излишеств и набивных орнаментов, грубо сколоченная табуретка на плитчатом полу, рожают неподвижное мраморное единство подсмотренного момента земного уединения, рожают удивительное ощущение живой, осязаемой чтицы. Ощущения от созерцания «Читающей девушки» настолько реальны, что невольно замираешь, боишься помешать, вспугнуть, оскорбить присутствием божественный лик. Не подойти ближе, не попытаться заглянуть в таинство книги и узнать, что так заворожило, увлекло прекрасные глаза, подчинив их строкам, невозможно мучительно для ценителей всего изящного. Сила воздействия скульптуры на смотрящего велика и рождает робкую надежду, что прекрасная чтица вот-вот поднимет глаза, уста разомкнутся и польются строки из книги, столь захватившей её в плен. За созерцанием девушки можно провести не один десяток минут. К ней хочется вернуться вновь. Она очаровывает. В доме Пашкова представлена авторская копия шедевра, более миниатюрная скульптурная реплика оригинала.

При экранизации бессмертного романа «Мастер и Маргарита» в двух киноверсиях, талантливо созданных разными режиссёрами XX в., в одной из финальных сцен романа на бельведере дома Пашкова, в кадре неизменно присутствует статуя с парапета главного фасада нового здания библиотеки «девушки с книгой», социалистического прообраза «читающей девушки» дома Пашкова. Из двадцати двух скульптур, размещённых на парапете нового здания, четыре скульптуры, наиболее идеологически важные, повторены дважды. Среди них «девушка с книгой». Одна стоит на парапете в непосредственной близости к дому Пашкова (первая к нему), другая — с противоположного конца парапета фасада главного здания, вторая по счёту. У новой «девушки с книгой» своя история создания. Проектом размещения скульптур на фасаде нового здания главной библиотеки страны Советов руководил Матвей Генрихович Манизер — лауреат трёх Сталинских премий, скульптор-монументалист и народный художник СССР. Ещё один культовый проект скульптора — оформление станции метрополитена «Площадь Революции». Пользователи московского метрополитена, возможно, бывали на этой станции и тёрли

патину на объёмных скульптурных собачьих носках. Семьдесят шесть бронзовых скульптур: идеальные «люди будущего», строители светлой жизни коммунистической идеологии и морали, пограничники с собаками, матросы, студенты, читающие девушки, присевшие на минутку в необыкновенно изящных позах. Подойдите поближе к скульптуре читающей студентке и рассмотрите её. Пусть вас не смущают обутая ножка в туфельку, прикрытая грудь и несколько более массивные формы. Включите воображение! Перед вами легко узнаваемая «Читающая девушка» из дома Пашкова! Она по-прежнему прекрасна, просто примерила бронзовый наряд и стала более земной, объёмной, доступной для массового созерцания.

«Читающая девушка» Петра Маньи дала жизнь целой плеяде читающих дев. Образ мировой читающей девы, воплощённой в скульптуре, выступает связующим звеном между литературой и скульптурой, неоднократно эксплуатировался мастерами разных эпох, стилей и жанровых направлений. «Читающие девы» по-прежнему актуальны! Технологии решительно меняют мир. Бумажную книгу заменил гаджет. Кропотливое искусство скульптора — высокотехнологичный принтер, способный по запросу пользователя создать за несколько часов работы новый утончённый шедевр из любого подручного материала. Возможно, в следующих смелых проектах новых библиотек декором фасадов или залов-трансформеров тоже будут служить «читающие девы», склоняющиеся в изящных позах над гаджетами, с зелёными или фиолетовыми чёлками, в рваных джинсах, но с узнаваемыми лицами ангелов, богинь или бывших комсомолок. «Мы с вами где-то встречались!», — воскликнем мы, увидев очередную девушку с книгой, в каком бы облике она ни пришла к читателю. В кулуарах изящного Дома Пашкова притаилась и обольстительная дева — Саломея, царица иудейской династии Иродиадов, биографические сведения о которой отличаются множеством разночтений.

Историческое здание библиотеки — здание с совершенными фасадами — относится к золотому фонду архитектурного наследия столицы. Дом полон загадок, овеян легендами, он хранит в своих фондах уникальное наследие российской и мировой культуры, истории и архивы многих знаменитых людей, оказавших влияние на культуру и историю страны.

* * *

Но история библиотеки живёт не только архитектурными шедеврами, а реальными историями человеческих судеб. Поэтому

из сонмища великих имён, вспомним избранные имена тех, кто оставил весомый след в судьбе главной библиотеки страны.

Иван Владимирович Цветаев (1847–1913) — русский учёный, специалист в области античной истории, эпиграфики и искусства.

Его имя возвратилось из небытия одновременно с именем поэта Марины Цветаевой; прежде Ивана Цветаева старались не упоминать. В мае 1881 г. Цветаев начал почти тридцатилетнюю службу в МПРМ в должности хранителя этнографического отделения; работал хранителем отделения изящных искусств

и классических древностей и, наконец, директором музея. Цветаев был действительным членом Петербургской Академии художеств, членом-корреспондентом Российской Академии наук, почётным членом Болонского университета, профессором Московского, Киевского, Варшавского университетов, основателем и первым директором Музея изящных искусств. Он был награждён орденами Св. Анны II степени, Св. Владимира III степени, Св. Станислава III, II, I степени, Кавалерским крестом ордена Итальянской короны, орденом Прусской короны II степени, памятными медалями. При Иване Владимировиче Цветаеве были проведены строительные работы по обновлению здания Музея: переустроено отопление, выстроены отдельные корпуса для квартир и для казарм служителей, сделаны несгораемые перекрытия. Иван Владимирович располагал к себе многих. «Это прирождённый министр финансов... так искусно добывать деньги из совершенно неожиданных источников... да ещё настраивать дающих деньги к благодарности... за то, что он деньги от них получал, это никакому графу Витте никогда не удастся», — говорил профессор Московского университета историк Любавский. Все свои свободные деньги Цветаев также отдал на музей. В 1907 г. Иван Цветаев активно участвовал в создании проекта нового здания картинной галереи Румянцевского музея; совместно с архитектором Клейном схематически разработал план расширения корпуса публичной библиотеки по всему свободному участку земли. Но эти начинания не нашли поддержки, здание не было

построено. В 1909 г., благодаря рдениям Цветаева, Московское архитектурное общество объявило конкурс проекта двух новых зданий. Проектировался корпус читального зала на четыреста посетителей с помещением для подручной библиотеки, разде- вальни, уборной, курительной комнаты и канцелярии, а также корпус Картинной галереи площадью 772 сажени — в ней должна была размещаться отдельная «Ивановская зала».

Сложность управления Румянцевским музеем в сочетании со злой волей министра народного просвещения Александра Нико- лаевича Шварца привела к тому, что последние годы жизни Цве- таева были наполнены большими неприятностями, ускорившими его смерть. Шварц не мог примириться с тем, что Цветаев стоял во главе строящегося «Музея изящных искусств имени императора Александра III при Императорском Московском университете» и был одновременно директором Румянцевского музея. Он воз- будил уголовное дело против Цветаева из-за кражи посетите- лем гравюр и уволил его после двадцати восьми лет службы без пенсии. Министр учредил пять ревизий, проигнорировав факт, что фонды музея приросли личными библиотеками, картинами, гравюрами, этнографическими, нумизматическими коллекция- ми именно в период служения Цветаева на посту директора му- зеев. В 1912 г. Цветаев всё же откроет Музей, созданию которого посвятил себя всего без остатка, однако израненное душевными муками благороднейшее сердце не выдержит и 25 сентября 1913 г. навсегда перестанет биться.

Среди многих достойнейших имён и фамилий, внёсших не- оценимый вклад в формирование уникального фонда первой московской публичной библиотеки книжными и рукописными собраниями, особенно значимы имена трёх главных дарителей, послуживших благородным побуждающим примером для пред- ставителей московских аристократических кругов, зажиточного купечества и отдельных частных лиц:

– государственный деятель и меценат Николай Петрович Ру- мянцев, книжное собрание которого, согласно завещанию канцле- ра, было передано государству и послужило основой фонда, став самой крупной коллекцией на момент открытия библиотеки — бо- лее 28 500 книжных томов, 710 рукописей, листы;

– императорский дом России — коллекция императрицы Александры Фёдоровны Романовой, подаренная её сыновьями великими князьями Николаем Николаевичем и Михаилом Нико- лаевичем, ставшая ярчайшей жемчужиной библиотечного фонда; в составе собрания книги, альбомы, карты, ноты, ботанические

атласы и многие другие совокупным объёмом более девяти тысяч единиц хранения;

– меценат Козьма Терентьевич Солдатёнков, безвозмездно передавший библиотеке около восьми тысяч изданий в роскошных переплётах с дарственными надписями известных людей, автографы которых сами по себе являются культурным достоянием страны — историка Ивана Егоровича Забелина, юриста и философа Бориса Николаевича Чичерина, философа Владимира Сергеевича Соловьёва, первого библиотекаря Румянцевского музея Евгения Фёдоровича Корша, писателя и революционера Григория Александровича Мачтета, архимандрита Амфилохия и других личностей.

Раскрывая книжное достояние главной библиотеки страны, невозможно обойти вниманием историю типографий, скоропечатен и Издательских домов Российской империи. Июнь — время традиционных «Фёдоровских чтений», проходящих в доме Пашкова. Личность «идеального библиотекаря» или «московского Сократа» — Николая Фёдоровича Фёдорова (1829–1903) — оказала огромное духовное влияние на мировоззрения современников, среди которых Лев Николаевич Толстой, Фёдор Михайлович Достоевский, Владимир Сергеевич Соловьёв, Константин Эдуардович Циолковский и др. «Идеальный библиотекарь» происхождение своё скрывал, повышений по службе и материальных благ не искал, был скромным, добросовестным в работе, чурался женского общества. Он получил светское и духовное образование, преподавал исторические и географические науки, в 1874 г. был зачислен в штат библиотеки МПРМ на должность «дежурного при читальном зале», где прослужил более двадцати лет в скромном чине коллежского асессора. Николай Фёдорович был человеком необыкновенной доброты (пока дело не доходило до его убеждений; тут он являл себе полную противоположность, подчас проявлял непримиримость и нетерпимость к собеседнику, в запале спора мог выгнать вон незадачливого оппонента, невзирая на его титулы, возраст и регалии, к которым и сам был равнодушен), примером самоотверженного служения людям.

Одна из самых неоднозначных библиотечных историй, ставшая источником пересудов в обществе, — история разрыва дружеских отношений между Львом Толстым и Николаем Фёдоровым. История дружбы двух неординарных современников началась осенью 1881 г., сопровождалась стычками и конфликтами в совместных полемических беседах из-за непонимания и неприятия идей друг друга. Финальным толчком в разрыве отношений

между бывшими собеседниками послужила публикация статьи Льва Толстого, напечатанная на страницах английской газеты «Daily Telegraph» под заголовком «Почему голодают русские крестьяне?» (одна из цикла статей «О голоде», 1891–1893). Выдержки из статьи были перепечатаны в «Московских ведомостях», вызвав небывалый общественный резонанс (за номер газеты перекупщики просили до двадцати пяти рублей — средняя цена газет аналогичного периода стоила пять копеек). Толстого объявляли революционером. Министр народного просвещения настоятельно рекомендовал публицистику писателя отвергать и в публикациях ему отказывать. Фёдоров видел проблемы глобального неурожая страны в отсутствии развитой системы «метеорической регуляции», для развития которой нужно было овладевать солнечной энергией, управлять движением земного шара, осваивать новые космические пространства и так далее. Статью Толстого он расценивал как пропаганду против России, способную сподвигнуть весь русский народ на открытую междоусобную вражду, последствиями которой должны было стать масштабное зло, неприемлемое для философа, считавшего человеческую жизнь главной ценностью на земле. После публикаций и разразившихся скандалов вокруг статьи, библиотекарь Фёдоров не подал руки графу Толстому. Последний был сильно уязвлён разрывом. Пассивное «неделание» Льва Толстого Николай Фёдоров считал не меньшим злом, чем зло в его активной форме (призыв, за которым стоит отказ от развития научного видения и обоснования научного подхода, за который так ратовал основатель теории «русского Космизма»).

В 1895 г., отвечая на письмо Владимира Михайловича Владиславлева, который обращался с просьбой подписать адрес «московскому Сократу» Фёдорову, чтобы тот не покидал Румянцевскую библиотеку, граф Лев Толстой писал: «Я с радостью подпишу всякий адрес, который вы напишете Николаю Фёдоровичу. И как бы высоко вы в этом адресе ни оценили личность и труды Николая Фёдоровича, вы не выразите того глубокого уважения, которое я питаю к его личности, и признания мною того добра, которое он делал и делает людям своей самоотверженной деятельностью. Благодарю вас за то, что вы обратились ко мне». Однако подписанный графом Толстым адрес, Фёдоров не получил. Опасаясь подношения и суеты вокруг своего имени, он продолжил свою работу в библиотеке. Не стало «московского Сократа» Фёдорова 15 декабря 1903 г.

События, истории, люди... Рассказ об удивительных архитектурных изысках дома, о необыкновенных людях, чьи судьбы

органично вошли в историю главной библиотеки страны и стали неразрывной частью великого служения идеям всеобщего и доступного Просвещения, можно продолжать бесконечно, как и об архитектуре удивительных зданий главной библиотеки страны, захватившей не только Ваганьковский холм. У библиотеки есть ещё несколько корпусов на Моховой улице, один из которых полностью занимает научный комплекс, в другом разместился Центр восточной литературы. Здания, появившиеся после Наполеоновского нашествия, заслуживают отдельного исследования и освещения, поэтому изучение богатого архитектурного наследия библиотеки, ставшего неразрывной частью центра Москвы, продолжается и послужит основой для следующих исследований и публикаций.

Пришло время обратиться к началу следующего века, подарившего библиотеке новую жизнь и возможности, о которых не могли мечтать самые дерзкие аристократические умы ушедшего века. Великий Октябрьский переворот ознаменовал новую веху в истории России, дерзко заявил о себе новыми направлениями в архитектуре, литературе и культуре нового государства.

«Имена не даются напрасно...»

Культурная политика молодого советского государства формировалась в условиях надвигающейся Гражданской войны, однако именно в этот период впервые в истории России создавались органы социально-культурной сферы, возглавляемые Наркомпросом. Страна нуждалась в грамотных, образованных и культурных членах социалистического общества. Одной из злободневных тем социума любого исторического отрезка является воспитание, образование и здоровье подрастающего поколения. Городскому архитектурному ансамблю отводилась немаловажная роль в воспитании идеалов и патриотизации чувств подрастающего поколения. 2 августа 1918 г. Совнарком утвердил «Список предполагаемых к постановке памятников выдающимся деятелям в области общественной и культурной жизни», в котором наряду с именами классиков и теоретиков марксизма, предлагались имена Баженова, Белинского, Гарибальди, Глеба Успенского, Гоголя, Добролюбова, Достоевского, Кольцова, Лермонтова, Михайловского, Некрасова, Никитина, Новикова, Огарёва, Писарева, Пушкина, Радищева, Робеспьера, Салтыкова-Щедрина, Поля Сезанна, Спартака, Степана Разина, Льва Толстого, Тютчева, Чернышевского, Шевченко и прочих кандидатур. Эскиз-проекты монументальных скульптур выставлялись на всенародное обсуждение.

После одобрения плебисцитом лучшие из проектов отбирались профессиональным жюри. Монументальная скульптура прочно войдёт в обиход городской инфраструктуры, заслуженно станет неотъемлемым атрибутом художественного и идеологического воздействия на умы народных масс.

Парадная репрезентативность комплекса нового главного здания библиотеки, спроектированного в конце 1930-х годов, поставила его в один ряд с признанными архитектурными шедеврами мирового уровня. Комплекс символизировал нравственные и духовные ценности молодой страны Советов; торжество идеи о всеобщем и доступном Просвещении. Сегодня его фасады олицетворяют переменчивые идеалы взрывного XX века, революционным вихрем пронёсшегося по Ваганьковскому холму. Патриотическая направленность декора роскошных фасадов подчёркивалась облицовкой из известняка и чёрного гранита. Логичное размещение взлетевшей над улицами пространства угловой площадки с широкими лестничными проёмами; чёткий ритм обрамляющей колоннады и мощный динамичный акцент вертикальных пропорций портика главного входа, завершающегося двухъярусным скульптурным фризом, создавали неповторимый и великолепный художественный декор. Тематическое оформление скульптурным рядом из двадцати двух трёхметровых фигур «Социалистический труд и знание» скульпторов-монументалистов — Веры Мухиной, Надежды Крандиевской, Матвея Манизера, Елены Янсон-Манизер, Всеволода Лишева — завершало парапеты корпусов, выходящих на уличные магистрали Моховой и Воздвиженки. В 1980-е годы в запасниках Музея ленинградской Академии художеств обнаружили гипсовые эскизы работ Всеволода Лишева. В их числе был эскиз «Лётчик», но в скульптурном ряду библиотеки его нет.

Межоконные простенки здания щедро украшены горельефами великих учёных и писателей авторства скульпторов Крандиевской и Сергея Евсеева. Очевидно, и скульпторы, и архитекторы долго колебались, выбирая высоту рельефа на перемычках, глубину фона, оттеняющего бюсты, сочность их обрамления. Об этом свидетельствуют различные решения для бюстов разных авторов. Тяжёлые погрудные бюсты Крандиевской почти выпирают из обрамления. Бюсты Евсеева мельче, они теряются на фоне тарелок обрамления, глубоко врезанных в тело перемычек. Фасад по Моховой имеет более важное значение, но здесь перемычки с бюстами играют менее видную роль. Лучше сработанным, более массивным бюстам Крандиевской отдано место на перемычках фасада, выходящего на Воздвиженку.

Временный павильон станции метро «Улица Коминтерна», встроенный в пространство углового сегмента площадки, плохо способствовал панорамному восприятию книжного гиганта и в конце пятидесятых годов был разобран. Позже почти на том же месте в 1997 г. был установлен бронзовый памятник признанному классику русской и мировой литературы — Фёдору Михайловичу Достоевскому, посвящённый сразу двум событиям: 175-й годовщине со дня рождения писателя и празднованию 850-летия Москвы.

Кстати, первый в мире памятник Достоевскому был поставлен в Москве скульптором-монументалистом Сергеем Меркуровым в далёком 1918 году. Инициатором установки памятника выступал Владимир Ильич Ленин. Сейчас памятник Достоевскому около библиотеки служит неизменным местом встреч или свиданий, а также наглядным напоминанием о реализованных инициативах молодой страны, ликвидировавшей сословное неравенство и объявившей знание главным и доступным приоритетом, а культуру — высшим духовным достижением человеческого социума. Идеи Ленина отозвались научными школами, публичными библиотеками, доступными учреждениями культуры, миллионами счастливых и творчески реализованных людей.

21 января 1924 г. — скорбный день в истории становления молодого советского государства. После продолжительной болезни скончался Владимир Ильич Ленин (Ульянов, 1870–1924), глава советского правительства, крупный теоретик и основоположник марксизма-ленинизма, вождь мирового пролетариата, философ, публицист, пламенный революционер, создатель партии большевиков, один из главных организаторов Октябрьской революции и, возможно, самая неоднозначная историческая фигура минувшего века.

24 января 1924 г. инициатива директора Библиотеки Румянцевского Музея Анатолия Корнилиевича Виноградова (в должности 1921–1924) получила поддержку на ведомственном уровне, и решением Наркомпроса библиотека была переименована в Российскую Публичную Библиотеку имени В.И. Ульянова-Ленина; позже в 1925 г. получила официальный статус Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина (ГБЛ). Подобная инициатива могла стать спасительным шансом на лояльное отношение к библиотеке с дворянским душком властей нового режима. Но была также искренняя скорбь и боль утраты: В.И. Ленина и директора библиотеки связывали долгие годы уважительного отношения, участия и поддержки первого лица советского государства, который сам любил книги, много учился, творил в читальных залах, неоднократно подчёркивал приоритетное значение организации

библиотечного дела в системе образовательного процесса страны с новыми идеалами и перспективами.

В августе 1893 г. Владимир Ильич впервые переступил порог читального зала Румянцевской библиотеки и на долгие годы стал её постоянным читателем. Благодаря его равнодушию к судьбе уникальной книжной сокровищницы, размещённой в доме Пашкова, фонды библиотеки были спасены от расхищения, приросли новыми поступлениями; получили финансовую поддержку для поддержания работоспособности здания (и это в условиях безденежности молодой страны); служащим библиотеки были выделены пайки и повышены ставки за работу на объекте особой государственной важности. Смерть вождя мирового пролетариата перечеркнула многие полезные и нужные начинания, отозвалась сломанными судьбами, забытыми нереализованными проектами.

В одной нетривиальной библиотечной истории, затронувшей первые десятилетия XX века, переплелись судьбы четырёх неординарных личностей: младших сестёр Цветаевых, Марины и Анастасии; их отца Ивана Владимировича; молодого человека — Анатолия Виноградова. 5-го февраля 1925 г. директором библиотеки был назначен профессиональный революционер, учёный, выдающийся организатор, реформатор, составитель библиографических пособий, автор нескольких сотен работ по истории революционного движения, один из основоположников библиотечно-библиографической журналистики — Невский Владимир Иванович (настоящая фамилия Кривобоков Феодосий Иванович, 1876–1937) — выходец из преуспевающей купеческой семьи с казацкими корнями города Ростова-на-Дону. Его отец будущее трёх сыновей видел исключительно в коммерции, поэтому считал городское училище достаточной ступенью для их образования. После его внезапной смерти, оставшись опекуном несовершеннолетних братьев, Невский самостоятельно подготовился к поступлению в гимназию и в 1894 г. был зачислен в 5-й класс. Разочаровавшись в уровне преподавания, молодой человек организовал свой кружок, где читал однокашникам Белинского, Добролюбова, Чернышевского, революционную газету «Колокол»,

общественно-политический альманах «Полярная звезда». В 1895 г. Невский вошёл в состав подпольной организации. Знакомство в 1897 г. с «Манифестом коммунистической партии» Карла Маркса и Фридриха Энгельса (1848) подтолкнуло его к организации донского комитета РСДРП. В этом же году он окончил гимназию и был зачислен студентом физико-математического факультета Московского университета, откуда за революционную пропаганду отчислен и выслан под надзор полиции в Воронеж. В 1904 г. молодой человек едет в Женеву, где впервые беседует с товарищами: В.И. Ульяновым-Лениным, Н.К. Крупской, В.Д. Бонч-Бруевичем и другими членами женевской колонии большевиков. Оценив необходимость организации агитационной работы среди населения провинциальных городов империи, он возвращается в Россию. Параллельно с агитработой восстанавливается в Санкт-Петербургском университете на математическом факультете, а после очередного ареста и последовавшего отчисления вновь переезжает и продолжает обучение на физико-математическом факультете Харьковского университета. Несмотря на постоянные переезды и смены учебных заведений, он блестяще защитил диплом по специальности «физическая химия» и получил штатную должность при лаборатории Харьковского университета. Работу в университете неутомимый Невский успешно совмещает с написанием магистерской диссертации, преподавательской деятельностью, членством в Харьковском физико-химическом обществе. По решению партийной организации командировается в Пермь, позже в Екатеринбург. В 1917 г. Невский был вызван в Петроград, где занимал ряд ответственных руководящих постов и проявил себя требовательным и инициативным руководителем. В разные годы его трудовой деятельности по воспоминаниям современников неизменными оставались его редкостные душевные качества: высочайшая скромность, отзывчивость, простота в общении. Неизменно отказываясь для себя от всех благ и льгот, он ездил на трамвае, питался в общей столовой, принимал участие в субботниках и т.д.

Начало директорской деятельности В.И. Невского совпало с периодом становления библиотеки нового формата: из собрания инкорпорированных коллекций частных лиц создавалась библиотека мирового уровня с фондом более трёх миллионов единиц хранения. Благодаря энергичной деятельности Невского, в 1926 г. в историческом здании библиотеки доме Пашкова торжественно открыли специально отстроенное четырёхъярусное книгохранилище, рассчитанное на 750 тыс. единиц; были проведены работы по электрификации, водоснабжению и реставрации здания,

в эксплуатацию введён электрический элеватор для транспортировки книг, встроены лифты; открылись Библиотечный и Литературный музеи, Музей книги, музеи А.П. Чехова, Ф.М. Достоевского, Ф.И. Тютчева, М. Горького, Кабинет Л.Н. Толстого. Были выделены новые отделы и организовано пять читальных залов — главный и отраслевые: научный, военной литературы, рукописей, редких книг; заложены основы системы каталогов; проводилось дополнительное обслуживание читающей публики в стационарном филиале во Дворце культуры Автозавода им. Сталина, а в летний период — в городских парках культуры и отдыха.

Но возросший приток читателей требовал увеличения аудиторий. В сложный период становления молодой страны директор Невский добивается кредита на строительство нового комплекса, и в мае 1930 г. начинается его сооружение по проекту архитекторов Владимира Щуко и Владимира Гельфрейха, завершившееся лишь в 1960 г. Видовое многообразие фондов требовало дифференцированных залов. Решить проблему посадочных мест было призвано новое здание с 13-ю читальными залами и подсобными фондами общей вместимостью около 1 500 человек. В эксплуатацию вводились тематические залы: марксизма-ленинизма; технической литературы; текущей периодики; отдела листов; кабинет истории; кабинет библиотекведения; при справочном аппарате (открыт в 1939 г.); детской и юношеской литературы; картографический, музыкальный, Восточной книги; а также выделялись помещения под аптеку, почту, комнаты для коммутатора, кинопроекторной, дезинфекционной камеры для книг, канцелярии, переплётных и картонажных служб, типографии, пожарной службы, электромонтажной, столярных мастерских и жилой корпус с прачечной и сушильной, рассчитанный на несколько десятков служебных квартир.

Общими требованиями для нового комплекса предусматривались минимальное количество входов для читателей, в связи с особой ценностью фондов (не более трёх); максимально возможное освещение естественным светом; ниже уровня земли не должно быть ни людей, ни книг; расширение хранилища возможно за счёт пристроенных, а не надстроенных помещений. В процессе затянувшегося строительства были пересмотрены технологические требования, предъявляемые к интерьерам читальных залов и здания. Их доработкой совместно занимались признанные и молодые архитекторы мастерской № 4 института «Моспроект». Основные проекты осветительных приборов выполнены архитекторами Людмилой Варзар и Валентиной Щелкановцевой, отделка

помещений ценными породами дерева осуществлялась под руководством архитектора Константина Бломериуса. Читальные залы оформляли архитекторы Игорь Рожин, В. Маслова, Юрий Щуко, Галина Жирмунская, Екатерина Раевская, А. Афанасьев, Зоя Брод, Александр Хряков. Парадный вестибюль, гардероб, главная мраморная лестница с кулуарами принадлежат авторству творческого союза архитекторов Александру Великанову, Н. Степанову и Михаилу Каплану.

Масштабное строительство требовало ежедневного решения административных и хозяйственных вопросов, однако неиссякаемая энергия Владимира Ивановича позволяла ему не только до тошно вникать во все нюансы и выбивать у государства недостающие стройматериалы и средства, но и находить силы заниматься научной деятельностью. Его творческое наследие исчисляется более пятьюстами опубликованных работ, включая учебник «История РКП(Б). Краткий очерк» для ВУЗов, переизданный в 2008 г. в Милане на итальянском языке и в 2009 г. издательством «Новый Прометей»; статьи и рецензии для журналов «Пролетарская революция», «Летопись революции», «Каторга и ссылка», «Красный архив», «Историк-марксист», «Книга и пролетарская революция»; многих других научных трудов. Благодаря его неформальному отношению к занимаемой должности, в библиотеке произошли коренные изменения: возросла роль научных отделов, увеличился фонд новых поступлений. Параллельно с основной работой, профессор Невский преподавал в МГУ, Институте истории РАНИОН, Институте Красной профессуры. К сожалению, инициатору строительства грандиозного ансамбля главной библиотеки страны не суждено было увидеть завершенное здание.

Новый комплекс зданий, спроектированный и построенный именно для нужд ГБЛ, является архитектурным шедевром и памятником исторического прошлого страны, хранит великое достояние русской и мировой культуры. Фонд Ленинианы исчисляется тысячами страниц библиографических описаний, среди которых сочинения Владимира Ильича, множество изданий, связанных с его именем: научные публикации, воспоминания, изоматериалы, сценарии, прочее. Плодовитое наследие Ленина занимает в библиотеке почётное место и наглядно представлено в подсобных фондах многочисленных читальных залов, востребовано современными читателями.

Москва

Продолжение следует